

ВОСПИТАНИЕ ДОБРА В КОМПЕТЕНЦИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Татьяна Николаевна Березина,

профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета

Воспитание добра рассматривается как психолого-педагогическая проблема высшей школы. Исследуются психологические концепции добра и сопряжённых категорий: духовного развития, альтруизма. Приводятся данные ранее выполненных эмпирических исследований и проводится их анализ в контексте темы статьи. Выделяются четыре критерия добра, которыми руководствуются современные студенты при оценке другого человека. Предлагаются направления воспитания добра в контексте формирования общекультурных компетенций высшей школы.

Ключевые слова: психология добра, альтруизм, духовные способности, дилемма заключённого, педагогика высшей школы, общекультурные компетенции.

Введение

Проблема воспитания добра является фундаментальной для педагогики высшей школы. Общекультурные компетенции Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) включают в себя важные морально-нравственные ориентиры. Одна из задач университетских профессоров и доцентов — воспитание этих ориентиров, развитие у студентов способности понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы, а также способности выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета (например, для специалистов по психологии служебной деятельности [9]).

Высшая школа завершает социализацию молодого человека, обеспечивая его как профессиональными, так и социально-психологическими знаниями и навыками, необходимыми для того, что он смог найти себя в современном обществе. Выпускники вузов, как правило, в перспективе занимают наиболее значимые места в социуме, формируя управленческую

и интеллектуальную элиту общества. Образование в современном мире выступает ценнейшим ресурсом развития личности в любом возрасте [13].

Категория добра — базовая для человека, именно с различения добра и зла начинается воспитание личности в раннем детстве. Разрешению проблемы добра и зла посвящены все произведения искусства, с этого начинается любая сказка. По всей вероятности, жизнь каждого человека тоже посвящена разрешению этой проблемы, ведь искусство — это отражение нашего бытия.

Развитие категории добра в психологии

Однако категория добра — скорее философская, она почти не разработана в психологии, что затрудняет её применение в педагогике. Обратим внимание, как много в педагогике вариантов развития альтернативных категорий: комплексов, неврозов, психозов, асоциального поведения, преступлений. Это неудивительно — добро изучать трудно, и оно сложнее, многограннее настолько, что мы его не можем охватить взором, оно больше поля зрения индивидуального интеллекта. И такая сложность добра чаще всего приводит к тому, что исследователь просто не знает, что писать.

Это относится не только к психологии, но и к другим гуманитарным

областям знаний, к искусству. Целые жанры искусства посвящены описанию зла: в детективах описываются преступления против человеческих законов, в триллерах не просто преступления, а извращения человеческой психики, ведущие к нарушению законов социума и биологической сути человека, в романах ужасов зло приобретает мистические черты. А где литература добра? Несколько скучных нравоучительных произведений.

Таким образом, зло представлено пусть не лучше, но интересней и разнообразней добра. Эта его характеристика может оказаться привлекательной для молодёжи, воспитание которой — одна из задач высшей школы.

Это происходит не потому, что добро неинтереснее или примитивнее зла. Добро сложнее, и в силу этого мы о нём почти ничего не знаем. Может быть, поэтому некоторые психологи вообще предлагают исключить проблему воспитания добра из области значений психологии. На подобном отношении настаивает Б.С. Братусь: «Иное дело — высшие проявления души, душа во втором понимании, дух, который — и это надо ещё раз сказать твёрдо — был и будет оставаться вне досягания психологическими методами. ...Религия отражает вертикальную устремлённость человека к высшему началу и в этом плане отвечает его насущной потребности поиска смысла жизни, неуничтожи-

мого, неустранимого фактом физической смерти. Научная психология занята, по преимуществу, горизонтальной плоскостью — человеком как конкретным деятелем во времени и в пространстве» [8, с. 75, 78].

Проанализировав имеющиеся публикации, как научные, так и художественные, мы пришли к выводу, что при современном уровне рефлексии очень трудно, почти невозможно дать определение добра, как и других понятий, с ним связанных [4].

Проблему воспитания добра обычно поднимают или в связи с духовным поиском человека, или в аспекте развития человеческих взаимоотношений, но чаще всего психологи объединяют эти две непохожие области человеческого самосовершенствования. Наиболее традиционный подход — рассматривать стремление человека к добру в аспекте его духовности. М. Фуко анализировал проблему добра в человеке как составляющую духовного поиска, а под духовностью он понимал тот поиск, ту практическую деятельность, тот опыт, посредством которых субъект осуществляет в себе преобразования, необходимые для постижения истины. В этом смысле стремление человека к добру часто связывают с религиозностью [12]. Н.А. Бердяев отмечал, что дух не детерминирован природным миром и есть прорыв в нём. Через дух человек есть образ и подобие Божье. Дух есть божественный эле-

мент в человеке. В.Д. Шадриков рассматривал добро в аспекте духовных способностей: «Духовные способности уходят своими корнями в духовную сущность народа, осмысленную, соотнесённую с религиозным мировосприятием. Духовные способности проявляются в художественных творениях и литературе, в деяниях мудрецов и пророков. Если в историческом движении мы выделяем природные и духовные способности, то в индивидуальном развитии духовные способности формируются на основе природных, отражая духовную сущность народа, систему ценностей, значения и личностных смыслов» [15, с. 185].

Однако в психологии более распространённой является тенденция рассматривать проблему добра не в аспекте движения к Богу, а в отношении других, во взаимоотношениях между людьми. Как пишет В.П. Зинченко, «в духовном слое сознания человеческую субъективность представляет Я в его различных модификациях и ипостасях. Именно Я должно рассматриваться в качестве одной из образующих духовного слоя сознания — его субъективной или субъектной составляющей. В качестве объективной образующей в духовном слое может выступать Другой, или, точнее, Ты» [10, с. 325]. Исследователи рассматривают добро в аспекте любви [14], в связи с самостью [6], как составляющую высшего уровня эмоциональной сферы [7].

В социальной психологии добро принято рассматривать в аспекте альтруистического или эгоистического поведения человека. Термин «альтруизм» был введен известным французским философом XIX в. О. Контом как противоположность понятию эгоизм. Альтруизм предполагает бескорыстные побуждения человека, влекущие за собой поступки на пользу других людей. Согласно Огюсту Конту, принцип альтруизма гласит: «Живи для других». В исследовании А.В. Юревича доказывается, что человеческая нравственность является не только идеальной категорией, утверждается её «материальность», обеспечивающая влияние нравственного состояния нашего общества на демографические, социально-политические и даже экономические процессы [16].

Мы ранее утверждали, что добро представляет собой трудно выражимый невербальный гештальт, который при попытке его выражения теряет часть своего смысла [3]. Любое научное определение почти ничего не значит в практическом смысле. Причины этого мы уже отмечали: «Потому что я не берусь определить, что такое Добро с большой буквы. Есть некоторые вещи, которые человек понимает интуитивно, и интуитивно им следует. Вот, например, маньяк Чикатило — зло. Хотя, может быть, он сочинял хорошие стихи. Даже если убитый им ребёнок мог вырасти новым Гитлером, который бы устроил

Третью мировую войну, что привела к гибели всего человечества. И большинство людей это чувствуют интуитивно. А если начать рассуждать, что логика может спокойно показать обратное. Помните историю про сороконожку, которая задумалась, с какой ноги она начинает ходить, и не смогла сдвинуться с места» [3, с. 33].

Человек, утверждающий, что он ориентирован на добро (добрый человек), совсем не обязательно делает больше добрых поступков, чем человек, вообще никак не самоопределившийся или даже определившийся как ориентированный на зло (злой человек). Существуют различные точки зрения на этого человека, различные способы оценки его деяний, может даже оказаться так, что умирает он как человек добра, а потом потомки выкапывают его прах, как в переносном, так и прямом смысле, чтобы осудить его имя и его дело.

В описании добра ранее мы выделили две тенденции [3].

Первая — примитивизация добра, или избегание зла. Слово «добрый» в этом аспекте ассоциируется со словом «дурачок», пусть даже в хорошем смысле («блаженны нищие духом»), а также с практикой «недеяния», при которой добрый — это, прежде всего, не злой, т.е. если человек хочет быть добрым, он не должен совершать злых поступков. Однако легко понять, что единственный способ не совершать злых

поступков — это не совершать никаких поступков вообще. Поэтому в этом аспекте получается, что добрый — это глупый (университетов не оканчивал), нищий (не имеет никакой собственности), ушедший от мира (не сделавший никакой карьеры), вегетарианец (не ест мяса). Главная проблема такой позиции — отсутствие активного добра.

Вторая тенденция — ограничение добра, или правильность идеи. Выдвигается некая идея, идея хорошая, иногда из числа вершинных. Всё, что ей соответствует, считается добрым, всё, что кроме, — злым. Пример этого — патриотизм, защита отечества. Любой солдат воюющей державы несёт зло, потому что он убивает людей, но мораль оправдывает его, т.к. он «защищал родину»; здесь «защита родины» выступает границей добра; всё, что направлено на защиту своей страны, — добро, и солдат автоматически становится носителем добра.

На основании проведённого анализа мы предложили в качестве базового следующее различие между человеком добра и человеком зла. Начнём с того, что человек, ориентированный на добро, как бы он его ни понимал, совершает любые поступки: хорошие, плохие, какие угодно. Но! Если человек, ориентированный на добро, совершает некий поступок, который в какой-либо системе координат можно посчитать злым, и ему на это ука-

зать, он начинает оправдываться. И, наоборот, если человек, самоопределившийся как злой, совершает подлый поступок, он принимает это как есть и не оправдывается.

Иначе говоря, если убийце, считающему себя убийцей, сказать, что он убил хорошего человека, он пожмёт плечами, мол, так и есть, и что. Но если человеку, определившемуся как «защитник обиженных и угнетённых», указать, что он в попытке такой защиты пристрелил как раз угнетённого, он начнёт оправдываться. Количество нехороших поступков и даже убийств у того и другого вполне может быть одинаковым. Жертвам, конечно же, всё равно, оправдывается их палач или нет. Но это единственная разница. Если вы определяетесь как человек добра и вам попытаются доказать, что вы совершили злой поступок, это вызовет в вас диссонанс. Если вы определяетесь как человек зла, то никакого диссонанса не будет. Получается, что различие даже не в поступках или их количестве, а всего лишь в муках совести.

Эмпирическое исследование представлений о добре

Ранее мы провели несколько эмпирических исследований психологических аспектов добра во взаимоотношениях студентов вуза.

Целью первого исследования было выявление факторов, на основании

которых студент определяет, что есть добро в отношениях между людьми. Для этого каждому участнику исследования предложили выбрать среди членов его студенческой группы человека, про которого он точно может сказать, что этот человек — добрый. Самого человека называть не надо, необходимо только ответить на вопрос, почему он считает, что этот человек добрый, и по возможности привести примеры его доброты. В исследовании приняли участие 50 человек, из них 12 отказались отвечать на вопрос в связи с тем, что не знают среди их группы настолько добрых людей. Результаты остальных мы обработали.

Целью второго исследования было изучение стиля взаимодействия (эгоистического или альтруистического) студентов в рамках социально-психологической игры, базирующейся на дилемме заключённого (методика и результаты исследования подробно приведены здесь [2]). Согласно условиям игры, студенты разделяются на пары по взаимным симпатиям и начинают играть в игру, состоящую из несколько ходов, каждый ход может быть и альтруистичным по отношению к партнёру, и эгоистичным. За ходы начисляются баллы, соответственно один из студентов начинает выигрывать, а другой — проигрывать. После окончания игры студентов просят прокомментировать выбранную ими стратегию взаимодействия.

На основании первого исследования мы выделили три критерия добра, применяющиеся студентами для оценки другого человека, а на основании второго исследования мы добавили ещё один критерий, который применяется чаще для оценки самого себя.

Три первых критерия мы назвали так: 1) делание добра **тебе** (добродеятельность), 2) делание добра другим (добропорядочность), 3) готовность сделать добро (добродушие). Эти критерии отличались степенью обобщённости.

Первый критерий — **добродеятельность** — в основе своей был ориентирован на конкретное добро. Студенты, использующие его для оценки доброты другого человека, аргументировали свою позицию следующим образом: этот человек сделал мне конкретный добрый поступок (дал денег в займы, помог донести сумку, занес необходимую вещь). Это очень прямой критерий, в котором эталоном доброты выступает поведение по отношению к самому себе. Делает этот человек добрые поступки по отношению ко мне — значит добрый, не делает — злой.

Второй критерий — **добропорядочность**. При его применении студенты также ориентировались на поступки другого человека, но не обязательно сделанные по отношению к ним лично, оценивалось поведение человека по отношению к каким-то третьим

людям, по отношению к учебному процессу. В качестве примеров доброты фигурировали следующие: «он всегда выполняет все задания и помогает другим», «при мне он помог одной нашей девушке отнести тяжёлую сумку», «подкармливает животных». В данном случае, как нам кажется, человек при оценке доброты другого по отношению к кому-то третьему, хотя бы и к животным, косвенно всё равно относит это и к самому себе. Заметим, что поэтому критерием является «помог одной нашей девушке», а не «помог своей девушке», потому что на месте «одной из наших девушек» может оказаться и испытываемая, а значит, есть шанс, что этот человек при необходимости поможет и ей тоже. Этот критерий шире, чем первый, поскольку круг потенциально добрых людей расширяется за счёт всех, кто совершает добрые поступки по отношению ко всем нам знакомым людям. Таких людей всегда больше, чем тех, кто делает добро нам лично. Возможно, внутри студенческой группы до сих пор отсутствовали ситуации, когда автор ответа нуждался в помощи, но он готов отнести к добрым всех, кто в принципе может помочь.

Третий критерий — **добродушие**. Сюда мы отнесли все суждения, в которых испытываемые утверждают, что какой-то человек добрый на основании анализа черт его личности, его слов, но не его поступков.

Суждения примерно такие: «всегда сочувствует, сопереживает», «помнит о всех днях рождениях членов группы, поздравляет», «мягкий, деликатный человек». Как нам кажется, этот критерий также в своей основе опирается на возможное отношение этого человека к автору ответа. Человек — добродушный, мягкий, всегда сочувствует, то есть на словах данный человек выражает готовность прийти на помощь, если понадобится. Это предполагает, что при необходимости такой человек поможет нам, на этом основании автор ответа и считает его добрым. Тем более, по мнению К.А. Абульхановой и А.Н. Славской, большую роль в выборе стратегии поведения могут играть собственно личностные характеристики человека, они считают, что хотя нравственные чувства принято относить к сфере желаемого, идеального, их формирование у ребёнка связано именно со способностью к самоорганизации для реализации необходимости должного. Способность к терпению, самоограничению, привычка к добровольной дисциплине — воля, является тем исходным нравственным качеством «я», которое затем, давая ощущение внутренней уверенности, легко позволит проявить доброту к другому [1].

Можем констатировать, что все критерии доброты другого человека, используемые нашими студентами, сводятся к следующему: приходил ли этот человек на помощь ему

лично, приходил ли на помощь таким, как он (значит, и ему потенциально), выражал ли он своим поведением, вербально или невербально, готовность прийти на помощь, если понадобится. В любом случае декларируемый нами принцип, что человек добра отличается от человека зла только степенью переживания по поводу «нехороших поступков», здесь не прозвучал. Никто из наших студентов не относил к добрым человека, который бы «так страдал, так страдал». Это означает, что данный критерий плохо поддаётся рефлексии, но не означает, что он не действует.

Всё изменяется, когда человек начинает оценивать своё собственное поведение. Этому было посвящено наше второе исследование. Как мы писали выше, испытуемым предлагалась игра, основанная на дилемме заключённого. В этой игре студенты демонстрировали эгоистическую (соперничество) или альтруистическую (сотрудничество) направленность. В результате они или выигрывали, или проигрывали, после чего их просили прокомментировать игру. Среди выигрывающих были: 1) студенты с преобладающей эгоистической стратегией, играющие с партнёром-альтруистом, 2) студенты-альтруисты, играющие с партнёрами-альтруистами.

Интересной была реакция студентов с эгоистической стратегией на свой собственный выигрыш.

Приведём несколько характерных реакций. Бахвальство, победитель начинает смеяться над проигравшим: «Он, ха-ха, думал, что я честно играл, а я его кинул, вот». Обида на проигравшего: «Ты это специально так играла?», хотя сам победил. Мы интерпретировали эти комментарии как реакцию человека добра (а наших студентов вне зависимости от результатов игры мы считаем всех в той или иной степени людьми добра) на свой собственный не очень хороший поступок. Они начинали оправдываться, даже если оправдание выглядело как нападки на партнёра (хотя партнёру, конечно, не легче от того, что «кинувший его» человек, оказывается, испытывает муки совести).

С точки зрения развития альтруизма все эти люди, смеющиеся над партнёром, обижающиеся на него, не потеряны для пути добра. Воспитание добра для них предполагает, с одной стороны, развитие рефлексии, чтобы человек мог отличать свои нехорошие поступки от хороших. Об этом писал П.С. Гуревич, утверждавший, что человек, который совершает плохие поступки и понимает это, уже сделал шаг на пути добра, в отличие от человека, который совершает плохие поступки, но искренне считает их хорошими [11]. Это четвёртый критерий — негативные переживания, если ты совершаешь плохой поступок (**совестливость**).

Мы считаем, что необходимо чисто познавательное обучение студентов тому, что альтруистические поступки являются выгодными как для самого человека, так и для общества в целом. При этом выгода эгоистического поступка прямая, а альтруистического — опосредованная, и связана она с интеллектом человека. Чтобы добрая стратегия была выгодной, необходимо приложить больше ума, но ведь развитие интеллекта — одна из задач высшей школы [2], следовательно, умный человек может и должен решать социальные задачи с позиций альтруизма.

Эволюционная теория даже предполагает наличие специального «гена альтруизма», который даёт его носителям определённые преимущества в жёсткой эволюционной борьбе за существование. Как считают антропологи, на ранних этапах развития общества должен был существовать естественный отбор, направленный к возникновению способности ставить превыше всего интересы племени, жертвовать собственной жизнью ради этих интересов. О существовании такого отбора как предпосылки социальности говорил ещё Ч. Дарвин: те общества, которые имели наибольшее число сочувствующих друг другу членов, должны были процветать больше и оставить после себя более многочисленное потомство. По мнению Дж. Холдейна, именно отбор по «генам альтруизма» и вывел разумного человека

в люди, ибо в основе возникновения Человека разумного как вида лежат альтруистические наклонности, определяющие преимущество их обладателей в условиях коллективной жизни.

Заключение

Проблема воспитания добра — одна из базовых и в психологии, и в педагогике. Однако воспитание добра сталкивается с неразработанностью темы из-за её глобальности. Мы считаем, что добро относится к трудно выразимым невербальным гештальтам, которые при попытке их выражения теряют часть своего смысла. Однако это не означает, что невозможно исследовать некоторые его составляющие. На основании анализа литературы мы выделили следующий критерий, отличающий человек добра от человека зла: если человек добра совершает дурной поступок, он испытывает чувство стыда и начинает оправдываться, в то время как человек зла воспримет это как само собой разумеющееся.

Мы провели несколько эмпирических исследований критериев добра в психологии современных студентов. Для оценки доброты другого человека в качестве критериев студенты чаще всего используют его добродетельность, добросовестность или добродушие. Однако при оценке собственного

поведения в отношении другого человека многие студенты бессознательно ориентированы на глубинный критерий добра — когда студент совершает в отношении другого человека эгоистический поступок, он испытывает необходимость оправдаться за это. Данный факт мы выяснили в результате наблюдения за поведением студентов, играющих в социально-психологическую игру, сделанную на основе «Дилеммы узника».

Воспитание добра у современных студентов может осуществляться в трёх направлениях, и это определяется компетенциями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. Во-первых, это развитие рефлексии, которое поможет осознать свои поступки. Это направление связано с развитием таких компетенций, как способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу; готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала.

Во-вторых, это развитие интеллекта вообще и социального интеллекта в частности, поскольку применение добрых стратегий в поведении требует гораздо большего приложения ума, чтобы такое поведение оказалось выгодным и для самого человека, и для его партнёра [5]. Для этого необходимо развитие следующих компетенций: умение организовывать межличностные

контакты, а также готовность действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и профессионально-этическую ответственность за принятые решения.

В-третьих, необходимо чисто когнитивное обучение студентов выгодным альтруистическим стратегиям. Это требует развития у студентов общекультурной компетенции, связанной с формированием способности работать в коллективе, толерантно воспринимать социальные, культурные, конфессиональные различия, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности.

Литература

1. Абульханова К.А., Славская А.Н. К проблеме эгоцентризма // Психология личности. Новые исследования. — М.: ИПРАН, 1998. — С. 104–146.
2. Березина Т.Н. Альтруистическое поведение и успех в жизни // Психология и психотехника. — 2011. — № 3 (30). — С. 67–76.
3. Березина Т.Н. Воспитание добра. — М., 2015. — 99 с.
4. Березина Т.Н. Надсознательное как образование высшего порядка // Мир психологии. — 2014. — № 1 (77). — С. 240–253.
5. Березина Т.Н. Развитие способностей как гуманистическая составляющая образования // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2009. — № 7. — С. 19–25.

6. Березина Т.Н. Творческая активность в структуре самоотношения и утверждении самости как фактор антистарения // Мир психологии. — 2010. — № 4. — С. 130–141.
7. Березина Т.Н. Эмоциональная регуляция психических процессов // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований. Коллективная монография. Под редакцией Т.Н. Березиной. — М.: Изд-во «Энциклопедист-Максимум», 2019. — С. 182–188.
8. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология. — М.: МПСИ, 2000. — 88 с.
9. Екимова В.И., Кокурин А.В. Подготовка по программе специалитета «психология служебной деятельности» на факультете экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета // II Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации. Сборник материалов. Под общей редакцией Ю.П. Зинченко, А.Г. Караяни, Ю.С. Шойгу. — М., 2016. — С. 274–281.
10. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — М.: Тривола, 1994. — 333 с.
11. Ильинский И.М., Гуревич П.С. Понимание как цель образования // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 1. — С. 5–15.
12. Котенева А.В. Личностные факторы поддержания здоровья человека // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований. Коллективная монография. Под редакцией Т.Н. Березиной. — М.: Издательство «Энциклопедист-Максимум», 2019. — С. 182–188.
13. Литвинова А.В. Образование как ресурс личностного развития в пожилом возрасте // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований. Коллективная монография. Под редакцией Т.Н. Березиной. — М.: Издательство «Энциклопедист-Максимум», 2019. — С. 182–188.
14. Розенова М.И. Ценность любви в представлениях современных студентов // Высшее образование в России. — 2006. — № 6. — С. 38–47.
15. Шадриков В.Д. Способности человека. — М.: МПСИ, Воронеж, НПО «Модэк2», 1997. — 288 с.
16. Юревич А.В. Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии. — 2009. — № 4. — С. 3–10.